

Впервые мы имели возможность познакомиться в полной мере с творчеством талантливого российского художника Ефима Васильевича Честнякова только в прошлом году на выставке в Москве. Одним из ее организаторов вместе с министерствами культуры СССР и РСФСР стало ЮНЕСКО. А за последние пять лет картины еще недавно безвестного художника побывали в Париже, Турине, Флоренции... Сейчас сто отретаврированных московскими специалистами живописных, графических и скульптурных работ Честнякова выставлены в Костромском музее изобразительных искусств. Теперь и костромичи могут оценить по достоинству подвижнический труд своего земляка.

Он родился сто десять лет назад в деревне Шаблово, в глухомани тогдашней Костромской губернии. На родине рос, учился и сам учительствовал. Много рисовал и писал. И размышлял, скорее сердцем, чем рациональным умом, постигая смысл жизни и мечты своих земляков.

На его картинах и рисунках — соседи, все те, с кем виделся он повседневно. Они и похожи друг на друга, как близкие родственники, что живут в одной деревне. Словно художник по називному неумению изобразил их на «одну колодку». Ан нет. С портретов живших когда-то крестьян смотрят на тебя глубоко русский лица. Художник сумел без пережима, без эффектных трюков, какими грешат некоторые наши современники, перелать в них то общее исконно народное выражение, по которому и через тысячу лет увидишь — перед тобой люди русские. На портретах они безымянны, как тысячи

# КАК КОВШ ДЛЯ ПИТЬЯ

*У этого доброго человека, чувствуется, была долгая несчастливая судьба... Смутно догадываешься, что не нашел он себе места в тогдашней деревенской жизни, хоть пожимал и любил ее. Любил за теплую память о прошлом, за простодушные, подетски мечты и фантазии, за изначальную веру людей в нравственную чистоту человека...*

и тысячи простых людей, чьи родословные не отыщешь, фамилии не восстановишь. Были, жили... От них вон сколько ростков пошло. А сами безвестны... Но художник хорошо знал меру их человеческого достоинства, как и своего, такого же крестьянского, что не стремится звучать на всю округу и все же горделиво по-своему. Одна из его литературных тетрадей озаглавлена «Литературные опыты Ефима Васильевича и Василисына, внука Самойлова и баушки Прасковьи и правнука Федорова и прабабушки Марфы и прадедушки Ивана, и прабабушки Одарьи — родителей баушки Прасковьи...».

Тремя поколениями своего рода шагнул Честняков в прошлое, к веку восемнадцатому. А в осмыслении судьбы российского крестьянина и того дальше — в глубь безмерной памяти народной, что забывает конкретные черты эпох, а помнит душой, преданием и сказкой.

Сказка помогла найти дорогу людским мечтам. Придала им теплоту и душевность, внесла в них тот элемент доброжелательности и оптимизма, без которых невозможна и сама мечта. А без нее немота была бы и реальная жизнь. Только людям нужно помочь понять это, научить их мечтать и понимать в себе прекрасное.

«Фантазия — она реальна, когда фантазия сказку рисует — это уже действитель-

ность, — записывал Честняков свои сокровенные мысли. — И потом она войдет в обиход жизни так же, как ковш для питья. И жизнь будет именно такой, какой ее рисует наша фантазия... Гляди вперед и покажи свои грезы... И по красоте твоих грез ты займешь свое место в жизни».

Искусству надо было учиться. И Честняков в 1899 году едет в Петербург. Долгие годы учения в мастерской, которой руководил И. Репин, в Академии художеств... Пора поисков, нужды и мытарств...

В тридцать лет больным Честняков возвращается в родную деревню. Не крестьянин и не барин, по представлениям земляков, он добывал себе пропитание трудной деревенской работой. На главное дело жизни оставалась лишь свободная долгая зима. В эти годы и рождаются основные его замыслы, видимо, окончательно формируется творческая концепция — искусство не должно разделяться на виды и жанры. В едином потоке и живописи, и поэзии, и скульптуры, и фольклора оно должно служить людям. И Честняков ставит перед собой невероятную для одного человека задачу — создать на селе «могучую универсальную культуру» быть верным ее служителем в родном крае.

Талантливый человек, он многое успевает сделать. Рисует дивные холсты, пишет

В большинстве его картин присутствуют дети. Им отдал он свое сердце, втайне надеясь, что его поймет и примет и взрослый люд, перестанет относиться к нему как деревенскому чудаку, а однажды, засмотревшись на картины, обнимет его за плечи и скажет: «Ты прав Ефим...».

сказки и стихи, ставит представления в театре, построенном с помощью соседей. А что это были за сказки... Послушайте, какая журчащая мелодия в одной из них — «Фей»: «Красавицы феи под звуки свирели плясали и пели, и ели шумели, и реки журчали и струны звучали: «развеем печали...».

В театре он вывешивал перед зрителями одну из своих картин. И она как будто оживала. Появлялись на сцене ее герои — фигурки, вылепленные из глины. Под руками художника, его голозом они разыгрывали сказку. Зрители — увы, в большинстве своем лишь дети — узнавали на картине и на сцене себя, своих соседей. Это они живут там, в сказочном мире! Взаимно добавляя друг друга, живопись, скульптура и театральное действие не уводило детей в сказку, а сказку приводило к ним, показывало, как фантазия может оживить реальность, учили видеть в обыденной серости жизни самое ее сокровенное, веру во что никак нельзя растерять — доброту человека.

В 1913 году Честняков делает попытку заявить о себе в «большом» мире. Он приезжает в Петербург, встречается с Репиным. Рассматривая его работы, великий живописец сказал: «Талантливо. Выделите своей порою, а вас испорчу... Вы уже художник».

Ему предлагали участво-

вать в выставках, везти картины в Париж, скульптурные работы дать в образцы для производства фарфора. Но не этого требовалось художнику, хотя его здесь ждали и успех, и популярность, откажись он только от своей сверхзадачи. Горькие слова записаны Честняковым в то время: «Много яби на поверхности вод, а ею-то занимается большинство. И душа исстрадалась, что мало делается для коренного воздействия на жизнь... И так жизнь мало совершенствуется, тянется по кочкам и болотикам, тогда как давно пора устраивать пути и дороги, могучую универсальную культуру».

С семнадцатым годом пришла к художнику надежда на то, что сможет он воплотить в жизнь задуманное. Он руководит в кологриковском Доме искусств театральным кружком и студией рисования, дважды выставлял свои работы. «Но это были выставки, — как точно подметил писатель Валентин Курбатов, — где еще недавно живые и устремленные в будущее работы окончательно переходили в область художественной истории». Мечты художника перестали быть созвучными устремлениям времени, нового и бесповоротного для российского крестьянства. Не хватало Честнякову творческих сил понять это новое, свое место в нем, да и ноша, что везал он на себя одного, была

тяжела.

К концу тридцатых годов деревенский подвижник пропадает с творчеством. Почти девяностолетним он похоронен в родном крае, в деревне Илешево.

Сейчас, когда со времени подвижнической работы и мечтаний этого российского человека уткло много годов, что были и воплощением иных мечтаний, планов, наступила пора переоценки его творчества. Искусствоведы еще будут анализировать его наследие, может быть, в сравнении с такими уже классическими «примитивистами», как таможенник Руссо, Пироманиншвили. Но в освоении его творчества нами, современниками, это, пожалуй, не главное. Самое важное уже сделано работниками Кологривского и Костромского музеев и реставраторами. По избам, сараям и чужим чердакам они собрали его картины, керамику, тетради с записями, бережно восстановили их. А ведь не сохранился работы Честнякова, память о нем ушла бы, как и о тысячах тысяч простых людей, о судьбе которых думал художник.

Теперь его выставка путешествует по России, стране. На ней смогут побывать многие из нас и научиться на примере мечтателя-художника, как нужно, не боясь бесславия, служить своему народу, быть счастливым даже в несчастливой судьбе — ведь все, что он сделал, в конце концов нашло дорогу к людям. И тихая крестьянская песнь художника слышана нами.

Семидесятилетним Честняков писал в одном из писем: «Люби поэзию. Это душевный хлеб. Без поэзии жизнь скучна». Ты прав, Ефим...

С. АНДРЕЕВ.